

Евгений СУХОВ

КОНЕЦ ТАЕЖНОЙ БАНДЫ

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Конец таежной банды

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954205
Конец таежной банды: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59048-3

Аннотация

Юная Евдокия Дубова скрылась в сибирской тайге от преследований советской власти и там сколотила банду из числа мужиков, сбежавших от репрессий. Банда проводит лихие налеты, грабит все, что оказывается на ее пути, чем наводит жуткий страх на представителей новой власти. На подавление преступников брошены чекисты, милиция, китайские наемники. Но отряд атаманши – крепкий орешек. К тому же бунтарям очень нужно добраться до потайной пещеры, в которой со времен Гражданской войны хранятся несметные сокровища...

Содержание

1	4
2	17
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Сухов

Конец таежной банды

1

Из черного зева тоннеля, прорубленного в скале, выскочила белка. Зверек замер, оставившись у шпалы на насыпи из кусков шлака. Белка почувствовала опасность. Рельсы едва заметно вибрировали, но не это заставило зверька замереть, а десятки взглядов, направленных на него из сумрака векового хвойного леса, окружавшего железную дорогу. На небе плыли клочковатые серые облака. Солнце мелькало в разрывах и тут же пряталось, временами начинал накрапывать дождь. Шорох в густом подлеске заставил белку стрелой метнуться через железную дорогу и скрыться на противоположной стороне – там, где начинался настоящий бурелом. А рельсы тем временем уже гудели вовсю. Вибрация от них передавалась насыпи. И вот из-за поворота появился локомотив, тащивший десяток крытых товарных вагонов, два новых изотермических вагона и почтовый спецвагон, охранявшийся четырьмя красноармейцами. Сразу за тендером шла теплушка с охраной. Котел, окрашенный черной краской, украшала красная звезда. Черный с сизым дым клубами валил из трубы и опускался сзади на дорогу, окутывая пеленой весь состав. Паровая машина на подъеме замедляла ход.

И только люди, наблюдавшие за всем происходящим из кустов, знали, что произойдет дальше. Паровоз буфером подцепил мину, установленную на железнодорожном полотне, и втащил ее в тоннель. Спустя несколько секунд грянул взрыв, потрясший молчаливую тайгу. Следом взорвался котел. С гор полетели камни. Справа от тоннеля старая поросшая травой осыпь разом сползла вниз, перевернув легкую бронеплощадку с 107 – мм пушкой и пулеметами. Следующий вагон сошел с рельсов и уткнулся в склон. Еще один налетел на бронеплощадку и буквально развалился от удара. Волна пламени выплеснулась из входа в тоннель, а следом по пылающим обломкам прошелся перегретый пар. В какие-то мгновения почти вся охрана поезда была уничтожена, а те, что выжили, были настолько изранены, что не смогли оказать сопротивления высыпающим из леса бандитам. Лишь в почтовом вагоне уцелели четверо красноармейцев. Двое из них, прыгнув на землю, залегли на насыпи под вагоном, а двое других забаррикадировались в самом вагоне. Гарцевавший на буланом жеребце косматый налетчик выстрелил из обреза и тут же получил в ответ пулю в лоб, выронил оружие, а затем свалился под ноги лошади, точно мешок. Еще две пули настигли бандитов – Олоко и Елдана – из числа местных манси. Бывалые охотники скатились по насыпи, да так и остались лежать неподвижно.

У подножия склона горы из зарослей папоротника вышла белокурая девушка лет двадцати, одетая на мужской манер. Светлые волосы растрепались по плечам. В ее сильном волевом лице было все же что-то детское – вздернутый нос, веснушки, но взгляд серых глаз был не по годам жестким и цепким. Один только этот взгляд заставлял собеседника понять, что девушка далеко не ребенок и повидала столько, что на двух взрослых бы хватило. Звали ее Евдокией Дубовой.

Еще недавно ее отец владел несколькими чугунолитейными заводами на Среднем Урале. Когда свершилась революция и красные подошли к городу, он вместе с семьей и верными людьми ушел в леса, надеясь переждать смутное время, а затем как ни в чем не бывало вернуться к своим занятиям. Большевиков он считал явлением временным и надеялся, что не сегодня завтра они перестреляют друг друга, и все вернется на круги своя. Но вышло все иначе. Армия Колчака была разгромлена, а советская власть постепенно утвердилась по всей Сибири.

В лес к отцу Евдокии стягивались все обиженные, обездоленные и недовольные новыми порядками. Людей становилось все больше, а продовольствия все меньше. И тогда они стали грабить проходящие мимо поезда, окончательно поставив себя вне закона по отношению к новой власти. Это не осталось незамеченным. Против банды бросили регулярные части Красной армии. Был жестокий бой, огромные потери с обеих сторон. Банда была разбита превосходящими силами красных. Отец с горсткой людей все же успел уйти в непролазную тайгу. Именно в том бою шальная пуля скосила мать Евдокии, а ее сестра пропала. Спустя два месяца отец поехал в село навестить родственников и нарвался на отряд красных, оказал яростное сопротивление и был убит. Выросшая в лесу и обученная всему отцом, Евдокия, по настоянию большинства соратников отца, стала во главе банды. А люди все продолжали и продолжали бежать в лес от репрессий, коллективизации и красного террора. И не было этому конца.

Поджав губы, Евдокия наблюдала за происходящим через бинокль. Из-за ее спины вышли трое мужчин. Один по-военному подтянутый. На вид лет пятьдесят, с маленькими усиками, одетый в кожанку и кожаную фуражку, какие носили комиссары, галифе и хромовые сапоги, начищенные до блеска. В недавнем прошлом Влас Пакин был офицером царской армии. Командный голос, решительность и манеры – все выдавало в нем вояку старой закалки. Лишь в последние годы ему удалось избавиться от привычки прижимать к бедру саблю при ходьбе, тем более что и сабли-то никакой у него давно не было. Второй мужчина был на голову выше Пакина и шире. Рыхлый, с небольшим брюшком и бородой, он напоминал помещика. Однако помещиком Патрикей Евлампиевич не являлся, а был не так давно приказчиком в поместье отца девушки, стоявшей перед ними. Последний из мужчин был на голову выше остальных и настолько мощный, что, казалось, мог переломить человека пополам голыми руками. Одетый в простую льняную рубашу и заросший волосами, он напоминал медведя. По возрасту он был не намного старше девушки, но сразу определить это было невозможно. От рождения Емельян был немым и мог только мычать да выдавать непонятные звуки. Немота компенсировалась у него невероятной физической силой. Кроме того, парень был достаточно смышленным и усердным, поэтому Патрикей определил его телохранителем их предводительницы.

Все трое были хорошо вооружены. У Власа Пакина два пистолета и нож за голенищем сапога. У Патрикея «маузер» за поясом и винтовка. У Емельяна также два пистолета, винтовка и две гранаты. Мужчины молчали. Первой заговорила девушка:

– Плохо все получилось. Надо было лучше готовиться. Четверых наших убили. Расслабились совсем.

– Кто ж знал, что поезд будет так охраняться, – пробормотал Влас Пакин, – если бы бронеплощадку не снесло, то совсем плохо бы было.

– Шаман вообще сказал, что все пройдет гладко, а мы получим большой куш, – усмехнулся Патрикей.

– С каких это пор ты веришь во всю эту чертовщину? – огрызнулась девушка, не отрывая глаз от поля боя.

В этот момент лихой парень, бывший каторжник, которого все называли Серым, слетел с подстреленной лошади на землю перед почтовым вагоном и сумел на ходу метнуть под вагон гранату. Грянул взрыв, и стрелки под вагоном замолчали. Серый встал, выхватил из-за пояса «наган» и кинулся проверять обстановку. Прозвучало еще несколько выстрелов. Это бандиты добивали раненых красноармейцев у развороченной теплушки. К Серому подскочили еще пятеро бандитов. Они окружили почтовый вагон.

– Эй, выходите, а то запалим, – весело прокричал Серый, обращаясь к находившимся внутри бойцам. – Выходите, оставим жизнь.

Однако Серый лукавил, ему нравилось убивать. С каторги его освободили красные. Он примкнул к отряду красноармейцев и куролесил с ними всю Гражданскую. Потом война закончилась, и уже больше нельзя было стрелять и резать всех направо и налево без разбору, как раньше. Серый зарвался, пристрелил и ограбил родственницу партийного работника. Его арестовали, объявили шпионом и вредителем. Только Серый не стал дожидаться суда, а сбежал прямо из неприступного подвала управления НКВД. Затем скитался по лесам, пока не примкнул к банде. Новым соратникам он рассказал трогательную историю о том, как несправедливо с ним обошлись красные. Изобразил из себя чуть ли не мученика, пострадавшего за правое дело.

– А он хорош, – бросила, ни к кому конкретно не обращаясь, атаманша с улыбкой.

– Висельник, – недовольно проворчал Влас Пакин, поправляя привычным движением усы, – таким людям нельзя доверять. Продаст ни за грош. Запомни, Евдокия.

– Да ладно тебе, – усмехнулась девушка беззаботно, – кто ж ему даст продать-то? Не успеет. А дело делает справно, одно загляденье.

– Однако надо бы уходить. Не ровен час, нагрянут комиссары. Братъ, что можно, и уходить, – пробормотал осторожный Патрикей, хмурясь.

– Смотри, – воскликнула радостно Евдокия, заметив, как открывается дверь почтового вагона, – трусили краснопузые, сдаются, думают, что мы их пожалеем!

Но «краснопузые» сдаваться не собирались. За открывшейся дверью стоял «максим». Пулеметчик дал очередь по бандитам, и лишь феноменальная реакция спасла Серого от смерти. Он не рванул назад, как все остальные, а прыгнул вперед, упал на землю и закатился под вагон, по пути выстрелив в красноармейца, который открывал дверь. Пуля угодила тому в висок, и солдат рухнул на землю недалеко от Серого. Тем временем пулеметчик косил бандитов точно траву. Те стреляли в ответ, но попасть не могли. Пулемет стоял выше линии огня, а стрелявшего защищал металлический щиток «максима». Евдокия насчитала шесть трупов своих подчиненных и, обернувшись к Патрикею с горящими глазами, крикнула:

– Винтовку!

– Слишком далеко, – осторожно заметил бывший приказчик, но винтовку все равно протянул.

Евдокия передернула затвор, быстро прицелилась и выстрелила. Пулемет смолк.

– Н-да, – протянул пораженный Пакин. Он знал, что атаманша исключительно метко стреляет, но не представлял насколько. Не многие из профессиональных охотников могли похвастаться такой меткостью.

Обрадованный Серый выбрался из-под вагона, заглянул внутрь и издал воинственный клич, полный радости. Оставшиеся бандиты мигом приступили к разграблению поезда.

– Надо распорядиться, чтобы убитых убрали, – задумчиво бросила Евдокия Пакину, – и людей надо еще собрать. Пусть из крепости все сюда едут. Улов слишком богат. Надо забрать все. Неизвестно, когда в следующий раз еще так повезет.

– Сейчас все сделаем, – заверил Влас Пакин.

– А я съезжу за подмогой, – кивнул Патрикей и добавил язвительно: – Вот будет потеха посмотреть на морду нашего старика. Наболтал. Как теперь будет объяснять? Скажет, верно, что ему злые духи помешали рассмотреть всю картину.

– Да, Патрикей, все так и было, – раздался позади них негромкий голос. Все вздрогнули. Шаман всегда появлялся бесшумно, как привидение. Однако в этом не было ничего таинственного. Зимой и летом Чухпелек Томыспаев носил меховые сапоги с подошвами из лосиной кожи. Если умеешь ходить по лесу, то в таких сапогах быть бесшумным не такое уж хитрое дело. Откинув капюшон малицы, Чухпелек посмотрел на всех своими хитрыми раскосыми глазами и добавил: – Кто-то из ваших людей убил большого зверя и его дух так отмстил нам, затуманив мне глаза.

– Ну, мы не сомневались, что ты всегда найдешь ответ, – хмыкнул Влас Пакин, косясь на старинное копьё, которое шаман всегда таскал с собой, утверждая, что именно им он поразил однажды лесного человека на склоне священной горы. – А что, тебе эта палка не помогла? Она ведь вроде волшебная.

Старик только махнул рукой, всем своим видом показывая, что он не собирается вести пустые разговоры с недостойными, и пошел вниз по склону. Несмотря на семидесятилетний возраст, шаман двигался проворно, точно молодой скакал с камня на камень. Как тут, глядя на него, не поверишь в какие-то тайные силы и колдовство. Евдокия с Пакиным и Емельяном двинулись вниз следом за шаманом. Предстояло оценить груз поезда и понять, что с ним делать.

В почтовом вагоне обнаружился сейф. Именно его охраняли убитые красноармейцы. Серый присел перед стальным шкафом, бегло осмотрел замки, и его губы тронула улыбка. Ничего проще он в жизни не видел. Из кусков проволоки он тут же смастерил отмычку, вскрыл ею английский замок, а кодовый замок открыл так, без всяких приспособлений, на слух вращая вернер и улавливая щелчки механизма. Остальные бандиты, собравшиеся вокруг него, смотрели на действия Серого, как на колдовство. Внутри сейфа на полках лежали аккуратно сложенные пачки новеньких хрустящих червонцев.

– Эгей, живем, братцы, – с восторгом воскликнул Серый, перебирая деньги, и приказал сопевшему рядом рыжему вихрастому парню: – Колян, а ну вытряхни из мешков макулатуру. Две штуки хватит.

Вихрастый вывалил из двух мешков почту прямо на пол вагона, а затем подал мешки Серому. Тот велел помогать. В два счета они выгрузили всю наличность из сейфа в мешки. Серый завязал мешки и вышел с ними навстречу атаманше, хвастать добычей.

– Смотрите, тут куча денег, – воскликнул он, гордо встав в дверном проеме почтового вагона, – делим по справедливости...

– А то как же, – поддакнула ему Евдокия, осаживая норовившего повернуть от клубившегося вдоль путей едкого дыма жеребца. Выстрелов и взрывов Мрак не боялся, а вот дыма не любил, так как один раз оказался закрытым в горящей конюшне и едва смог выбраться.

– И сколько там? – деловито поинтересовался Пакин, приглаживая усы.

– Не считал, но много. – Серый бросил мешки вниз, на землю, и сам спрыгнул из вагона.

Заглянув в мешки, Пакин прикинул, что сумма близка к пятидесяти тысячам. Такого удачного дела в истории банды еще не было. Евдокия тоже заглянула в мешки, подержала в руках тяжелые пачки с червонцами, а затем, забыв о деньгах, сосредоточила свое внимание на изотермических вагонах. Серый с товарищами без труда взломал и дверь вагона, и бандиты стали вытаскивать коробки с фруктами. Многие даже не понимали, что они обнаружили.

– Что это за хреновина? – поинтересовался у нее Серый, демонстрируя непонятный шершавый корнеплод.

У Евдокии в душе шевельнулось какое-то далекое воспоминание. Лет в пять она пробовала нечто подобное дома, но название диковинного фрукта выветрилось из головы.

– Это ананас, – пояснил Пакин, грустно улыбнувшись, – а вон в тех коробках бананы и апельсины. Толку от этого мало. Лучше настоящую еду ищите.

Во втором изотермическом вагоне обнаружили колбасы, сыры, балыки и тому подобные деликатесы. Один крытый вагон был заполнен консервами. Тут уж ликование было всеобщим. В остальных вагонах обнаружился всякий ширпотреб: ткани, обувь, одежда.

– Не иначе, как все это в город начальству везли, – предположил повеселевший Пакин, – вот пусть теперь на репу переходят, как весь трудовой народ.

– Забираем все по максимуму, – командовала Евдокия, – грузите консервы в первую очередь!

В этот момент из леса появился Патрикей с подкреплением. Приехал даже Федор Лопухов, ни разу не принимавший участия в ограблениях. Будучи охотником от бога, Федор играючи добывал себе пропитание в лесу и на реке. Часть отдавал в общий котел. За это его и держали. Даже из местных никто не мог сравниться с ним в удали и ловкости.

Заметив Федора, Евдокия выделила ему с десятков человек и велела перевезти убитых. Задание было ему не по нутру, но Федор спорить не стал. Могучий и спокойный, он стал негромко отдавать приказы. Местные охотники снимали скальпы с поверженных врагов и были очень недовольны, что их отвлекли от этого занятия. Федора коробило от этого зверского обычая, но приходилось считаться с традициями иного народа. Затем, перекинув через седло тело одного из убитых, он взял лошадь под уздцы и повел к лесу.

Через полчаса на месте ограбления не осталось ничего ценного. Банда ушла в лес, оставив после себя лишь скальпированные трупы врагов. Последними уходили предводители. Влас Пакин ехал бок о бок с Патрикеем, следом за ними – Чухпелек Томыспаев. Шаман вел за собой двух лошадей с телами убитых соотечественников. Евдокия и ее телохранитель замыкали шествие. Девушка бросила последний взгляд на разбитый поезд и подумала, что не остановится на этом. Следующая их акция непременно будет более масштабной. Красные просто захлебнутся в своей крови.

Емельян тронул ее за плечо и, мыча, кивнул в сторону уезжавших.

– Эй, – резко, весело выкрикнула Евдокия и ударила коня в бока, пуская в галоп.

* * *

В свои тридцать лет Алексей Коновалов считал себя бывалым чекистом и достаточно авторитетным во многих вопросах. В семнадцать он пошел на войну, был идейным борцом с самодержавием. Оценив его способности, руководство перевело его в разведку, где он смог развернуться во всю широту своей многогранной натуры. Он легко переходил линию фронта, внедрялся в ряды противника, добывал секретные сведения, брал языков, проводил диверсии. Для него не было ничего невозможного. Но Гражданская война закончилась, и наступили относительно мирные дни. Руководство страны бросило все силы на борьбу с внутренними врагами. Оказалось, что вокруг полно предателей, вредителей, шпионов и заговорщиков. Это была очень странная война. Да, порой они действительно давили очаги сопротивления советской власти, направляемые из-за границы, были и настоящие вредители и шпионы, но основная масса людей, обвиненных во всех смертных грехах, не имела с ними ничего общего. Просто, по стечению обстоятельств, они оказались в неудачном месте в неудачное время. Поводом для ареста могло послужить неосторожное слово, взгляд или слишком громкий смех в неподходящий момент.

Допрашивая таких арестантов, Алексей чувствовал, как на него серой волной накатывает уныние. В конце концов, его гимнастерку украсил нагрудный знак 5 лет ВЧК-ГПУ с надписью: «ВЧК-ГПУ. 1917–1922». Этот знак отличия был учрежден в 1923 году. Знак вручался за беспощадную борьбу с контрреволюцией. Кавалеру знака присваивалось звание Почетного работника ВЧК-ГПУ. Он имел право на ношение оружия, а также входа во все здания ГПУ. Награду Алексею вручал лично Дзержинский, однако счастья это не прибавило. Наоборот, в душе было какое-то опустошение. Вокруг реками лилась кровь, творились ужасные вещи. Людей расстреливали направо и налево, тысячами отправляли в лагеря. Все идеалы о светлом будущем рушились на глазах.

Он не мог изменить систему и знал, что сам погибнет, если покажет свое сочувствие арестованным. Тем не менее даже под угрозой смерти Алексей старался помочь тем, кому

это было возможно. Его коллеги не отличались подобной сентиментальностью. Многим даже нравилось убивать и пытаться. Алексей не сомневался, что, если его завтра вдруг обвинят в шпионаже – ни у кого из них ни один мускул не дрогнет привести приговор в исполнение. Бывшие друзья с радостью будут пытаться его, выбивая признание. До этого дня его спасали бывшие заслуги перед советской властью, но вечно так продолжаться не могло. Алексей видел, как казнили многих пламенных коммунистов, борцов за идею и членов «старой гвардии». Значит, рано или поздно придет и его черед. Начальник уже несколько раз осторожно намекал, что он слишком мягко проводит допросы, что стоит быть жестче. Выхода не было. Только бежать. Алексей собирался попросить, чтобы его перевели простым уполномоченным куда-нибудь подальше в тьмутаракань, но судьба распорядилась иначе. В свет вышел приказ ОГПУ № 108/65 от 8 марта 1931 года, который предписывал органам ОГПУ проводить мероприятия по чистке личного состава милиции и угро, предупреждать проникновение в агентурный аппарат милиции и угро преступного элемента и вести наблюдение за проведением этих директив в жизнь.

И вот чуть позже, летом, когда по всему Ленинграду гремели разоблачения шпионских заговоров и у милиции просто не хватало людей для арестов и экспроприаций ценностей, – начальник Озерский вызвал Алексея и вкратце обрисовал задачу. Тот должен был отправляться в один из уголовно-розыскных столов уголовного розыска для оказания помощи коллегам в ряде дел. Озерский особо отметил, что, помогая милиционерам, Алексей обязан выявлять в их рядах предателей, тех, кто берет взятки и занимается всякими сомнительными делами – в отношении некоторых сотрудников имелись вполне определенные подозрения. Алексей молча взял под козырек и с приказом поехал в уголовно-розыскной стол, к которому его прикомандировали.

Опера из уголовного розыска встретили его с подозрением. Оно и младенцу понятно, зачем его прислали. Алексей видел натянутые улыбки и напряженность в глазах милиционеров. Любые разговоры при его появлении автоматически прекращались. Начальник угро – Сергей Иванович Костромской поручил группе оперативников, в которую включили Алексея, отработать связи одного спекулянта, занимавшегося золотом. Некто Зотов был арестован месяц назад ГПУ и выдал интересные сведения, будто он с товарищами готовил заговор против советской власти, планировал теракты и убийства. У Зотова обнаружили записную книжку со списком имен и фамилий.

– Это список членов террористической организации Зотова, – пояснил Костромской, вручив книжку Семенову – командиру опергруппы.

Грузный Семенов, хмурясь, стал листать страницы так, словно собирался заучить наизусть имена врагов. Заглянув ему через плечо, Алексей бросил рассеянно:

– Очень похоже на обычную записную книжку.

– Ну, на это враги и рассчитывали, что мы не догадаемся, – буркнул Костромской с важным видом и добавил, обращаясь к командиру опергруппы: – Теми, чьи фамилии вычеркнуты, будут заниматься другие люди. А вы займитесь оставшимися. Начало операции ровно в восемь вечера. Все должно быть сделано быстро в течение трех часов. Никто не должен уйти.

– Что думаешь обо всем этом, – поинтересовался Алексей у Семенова, когда они выходили во двор управления.

– Я не думаю, а выполняю приказы, – коротко пояснил командир опергруппы. К ним подъехал «черный воронок». Семенов махнул шоферу: – Эй, Петрович, поедешь за нами!

Алексей и трое из опергруппы, включая командира, набились в черную «ГАЗ-М1». Рядом с водителем сел сам Семенов. Бортко – высокий бритый парень с лицом типичного уркагана – втиснулся сзади, справа от Алексея, а Поночевный – крепко сбитый мужик лет

сорока в кожаном плаще – слева, так что он оказался зажатым, точно арестованный. Эта мысль не понравилась Алексею. Шумно выдохнув, он ослабил воротник, расстегнув одну пуговицу. Бортко со зверским видом положил на колени револьвер. Чувствовалось, что так ему спокойнее. Поночевный задумчиво морщил лоб и похрустывал пальцами, сжимая и разжимая кулаки. Все мысленно готовились к предстоящему, хотя работа была, можно сказать, привычной.

И действительно, все пошло как по накатанной. Вечером, когда люди садились ужинать, они врываются в дома, хватали подозреваемых, описывали и изымали ценности, опечатывали квартиру и неслись по следующему адресу. Главным было за короткое время охватить как можно больше адресов, чтобы подозреваемые не успели предупредить друг друга. Большинство из списка Зотова оказались либо его родственниками, либо друзьями. Алексей предполагал нечто подобное и не сомневался, что позже, после пыток, арестованные напишут какие надо признания. Никто из них не оказывал никакого сопротивления, лишь в глазах стоял ужас вперемешку с удивлением. Люди были парализованы страхом. Скованные наручниками, они выходили из домов к «воронку» словно пьяные, едва переставляя ноги. Оперативники недовольно покрикивали и толкали арестованных в спину. Бортко и вовсе не церемонился, а сразу бил рукояткой «нагана» по голове.

Алексей незаметно наблюдал за действиями коллег. Все трое действовали четко и профессионально. Потом он заметил, как на очередной квартире Поночевный быстро сунул найденные в книге деньги в карман, решив, что никто не видит, но просчитался. Алексей, хоть и стоял спиной, но увидел его движение в дверном стекле. Повернулся к Бортко в тот момент, когда он с ловкостью фокусника умыкнул из шкатулки с драгоценностями большой перстень с изумрудом.

Ловко работают ребята, подумал он. Отозвав оперативников в сторону, Алексей тихо поинтересовался:

– Вы в курсе того, где я работаю и зачем меня сюда прислали?

– Да, смекаем, не валенки, – процедил Семенов, не спуская глаз с позеленевших от страха чуть живых подозреваемых, сидевших на стульях у стены в гостиной – двух женщин и мужчины преклонных лет.

– Тогда предлагаю добровольно вытащить все ценности, которые случайно попали вам в карманы, минуя опись, – сухо сказал Алексей и посмотрел Бортко прямо в глаза, – смелее. На первый раз последствий не будет.

– Зря ты так, – покачал головой Семенов и вытащил из кармана, к удивлению Алексея, толстую пачку денег. Глядя на начальника, Бортко и Поночевный тоже повытаскивали деньги и драгоценности. Все было внесено в опись имущества. Алексей с невозмутимым видом наблюдал за этим. Сказать, что сыщики были недовольны его действиями – значит ничего не сказать. Они просто прожигали его взглядами.

Время приближалось к одиннадцати. «Воронок» поехал к управлению с «клетками», забитыми новой партией «врагов». Последняя фамилия из списка была отработана, и Алексей мысленно порадовался, что закончился этот изматывающий марафон. На душе было погано, и хотелось выпить.

– Ну, что, на сегодня все? – спросил он у командира.

– Погоди, еще один адрес остался, – неожиданно заявил Семенов, расправляя ремень.

– Как остался, я точно помню, – начал было Алексей, у которого была фотографическая память, и осекся, так как командир продемонстрировал ему записную книжку. В списке действительно была еще одна фамилия с адресом. Алексей не мог понять, как он мог ошибиться, но, приглядевшись, заметил, что фамилия написана другим почерком, да и чернила на этой строчке выглядели более свежими. Фамилию вписали минут десять назад – не больше. Что же сие означало? Алексей внимательно посмотрел на Семенова.

– Что-то не нравится, товарищ? – поинтересовался тот враждебно, убрав записную книжку в карман.

– Да нет, все нормально, – пожал плечами Алексей. Ему было интересно посмотреть, что будет дальше. Что задумал командир опергруппы? Зачем перевыполнять план по собственной инициативе?

Машина некоторое время тряслась по кочкам на грунтовой дороге, вилявшей между частными домами. Потом Семенов приказал водителю остановить и сообщил всем:

– Дальше пойдем пешком. Не хочется спугнуть этих сволочей.

В сгущающихся сумерках громко прозвучали хлопки закрываемых дверей «эмки». Алексей, руководствуясь смутным предчувствием, проверил свой «браунинг». Запасной револьвер был спрятан за голяшкой сапога. Хотя даже без оружия он мог неплохо постоять за себя. За время войны он изучал различные методы рукопашного боя. Одно время его учил китаец, потом кореец. В результате Алексей разработал свою собственную систему рукопашного боя, главной идеей которой было нанести противнику первым же ударом максимальный урон.

Один за другим они быстро шагали вдоль заборов. То тут, то там раздавался свирепый собачий лай и звенели цепи дворовых псов. В этот час на улице уже никого не было, поэтому незамеченными они добрались до нужного дома. От взгляда Алексея не укрылось то, как легко Семенов открыл калитку. Складывалось впечатление, что он бывал здесь не однажды и знал, где шпингалет, где вертушка и что во дворе шляется непривязанный пес устрашающих размеров. Собака, естественно, сразу же бросилась на них, но Семенов все предусмотрел. Он не стал открывать калитку полностью, а оставил узкую щель, в которую пес только и смог, что просунуть голову. Командир опергруппы ловко прижал собаку. В его руке блеснул нож. Одним быстрым движением он перерезал животному горло и отпрыгнул от брызнувшей во все стороны крови. Все произошло быстро и почти бесшумно. По крайней мере, хозяева дома ничего не услышали. В зашторенных окнах горел свет и слышалась негромкая музыка.

– За мной, – тихо скомандовал Семенов, вытащил пистолет и, перешагнув через дерагавшегося в смертельной агонии пса, направился к дому.

Алексей пошел следом. Двое оперативников бесшумно шли у него за спиной.

– Вышибешь дверь – и в сторону, – велел Семенов, повернувшись к нему, – давай.

Алексей кивнул и молча ударил ногой в дверь так, что весь косяк в районе замка расщепился, а дверь, едва не слетев с петель, громко распахнулась. Ударив, он отпрянул, пропуская рванувшихся вперед оперативников, и вошел внутрь уже последним, сразу за Семеновым.

Обстановка в доме свидетельствовала о достатке хозяев. Все: и мебель, и ковры, и канделябры – имело немалую цену. В гостиной под прицелами револьверов оперативников на диване сжались от страха владельцы дома – пожилая чета и двое детей – мальчик лет шести и девочка лет десяти, очевидно, внуки стариков.

– Никому не двигаться, – надрылся высокий бритый Бортко и оглядывался на начальника, ища поддержки.

– Мы ничего не сделали, – пролепетал дрожащим старческим голосом хозяин дома.

– Предлагаю добровольно сдать все имеющиеся в доме ценности, – ледяным тоном бросил ему Семенов.

Алексей едва подавил зевок, до того ему наскучила вся эта канитель. Везде одно и то же. Дежурные фразы, запугивание, а все лишь для того, чтобы банально ограбить ни в чем не повинного человека. Нет, из органов надо бежать. Довольно с него всего этого.

Хозяин дома попытался увильнуть от расплаты.

– У нас нет ничего такого, – начал он плаксивым голосом.

– Я теряю терпение, – прорычал Семенов, сверкая глазами, – не гони мне тут, падла. Я все знаю и про золото, и про деньги, и про камушки.

С диким лицом командир опергруппы стащил с дивана девочку и приставил ей к голове револьвер. Эффектно щелкнул взводимый курок.

Алексей встрепенулся. Это уже было что-то новое. Командир опергруппы на его глазах скатывался к махровой уголовщине. Он даже не пытался изображать из себя слугу закона. Взглянув в расширенные от ужаса глаза девочки, Алексей сглотнул ком, вставший в горле. Его взгляд отметил побелевший на спусковом крючке палец. Семенов не играл. Он действительно был готов выстрелить в любой момент. Хозяин дома тоже понял это и полез доставать все из своих тайников. На столике перед диваном появился увесистый мешочек с золотыми червонцами, шкатулка с драгоценностями, пачки денег, перевязанные веревкой, серебряные ложки, посуда, несколько статуэток и даже меха.

– Это все? – сурово осведомился Семенов, державший ребенка за горло. Дуло его пистолета продолжало находиться в опасной близости от головы девочки.

– Да клянусь вам, молодой человек, отдал все, – страстно заверил старик, сложив в молитвенном жесте руки на груди, – отпустите ее.

– Конечно, отпущу, – жестко усмехнулся Семенов и неожиданно выстрелил в хозяина дома. Выстрел прозвучал оглушающе. На груди старика возникла кровавая дыра, и он инстинктивно закрыл ее ладонью. Сквозь его пальцы немедленно брызнула кровь. Семенов выстрелил еще один раз в старика, но теперь в голову. Бортко также выстрелил в старика со своего места. Поночевный тем временем расстреливал старуху, чуть ли не в упор. Девочка истошно кричала. Семенов ударил ее наотмашь и отпихнул от себя, готовясь выстрелить. Бортко выстрелил в мальчика, но промахнулся. Падая, израненный старик закрыл его своим телом. Не раздумывая, Алексей бросился вперед, выбил ногой пистолет у Семенова и со всей силы врезал ему в лицо. Обливаясь кровью, Семенов хрюкнул и, закатив глаза, рухнул на пол. Бортко резко развернулся с пистолетом в руке и выстрелил. Краем глаза он видел маневр Алексея. Последнего спасла лишь отличная реакция. Стреляя в прыжке, Алексей упал и, перевернувшись, успел пальнуть в Поночевного до того, как тот развернул оружие. Обе пули легли точно в центр лба оперативников. Почти синхронно они выронили оружие и осели на пол. Бортко сполз по стене, оставляя на обоях кровавый след, а Поночевный свалил этажерку с книгами.

Не успел Алексей перевести дух, как оконное стекло справа от него разлетелось на части и снова завизжали пули. Это был шофер. Он стрелял через окно со стороны улицы. Алексей ощутил жгучую боль в щеке. Еще две пули пронеслись у него над головой. Алексей откатился, свалил стол, закрылся им и выстрелил в ответ. Пуля угодила шоферу в переносицу, и он исчез из темного проема окна.

– Сука, – выдохнул Алексей, дотронувшись до лица. На пальцах осталась кровь. – Все же испортили морду, вражины!

Затем он натолкнулся на взгляд девочки. Та сидела на полу и не знала, что ей делать. Ее губы дрожали, а глаза блестели так, словно она собиралась разреветься. Рядом скулил мальчик, пытаясь выбраться из-под мертвого деда.

Времени терять было нельзя. Перестрелка, должно быть, всполошила весь район, и, не ровен час, мотопатрули пожалуют в гости. Алексей, позабыв о своей ране, вскочил на ноги, помог мальчику, грубо поставил на ноги девочку и спросил: – Эй, как тебя зовут? Слышишь меня?!

Девочка в ответ только судорожно вздохнула да скривила губы. Алексей влепил ей пощечину и, удерживая, рявкнул:

– Эй, если хочешь жить, соберись! Как зовут?

– Саша, – с обидой пропищала девочка, зажимая покрасневшую от удара щеку.

– Родственники есть? – быстро спросил Алексей, поняв, что ребенок более-менее пришел в себя.

– Есть, – пробормотала она и глянула на чекиста исподлобья, – мама с папой.

– Отлично, – обрадовался Алексей, – бери брата и бегите к родителям. Только очень быстро бегите. И пока не говорите никому, что тут случилось, иначе и вас обоих, и родителей убьют. Саша, ты все поняла?

Девочка торопливо закивала. Алексей подтолкнул к ней плачущего брата:

– Бегите!

* * *

Павел Игнатьевич Красин, председатель окрисполкома, сидел, схватившись за голову, и читал срочное донесение, пришедшее с железнодорожной станции Меднинска. Однако не человеческие жертвы его так взволновали, не потеря целого железнодорожного состава и разрушение дороги, не пропавшие деньги Госбанка, а то, что бандиты похитили продукты, шедшие для нужд партийного аппарата края. Павел Игнатьевич любил хорошо поесть, а теперь выходило, что придется две недели жить чуть ли не на подножном корму. Не будет тебе ни сыров, ни осетрины, ни икры, ни фруктов. Павел Игнатьевич уже представлял, как взбеленится жена. В сердцах ударив по столу кулаком, он гневно воскликнул сочным басом:

– Надо с ними немедленно кончать! В край обнаглели! Это ж надо – поезда под откос уже пускают!

– Конечно, переловить и всех к стенке, – поддакнул сидевший на стуле для посетителей окрвоенком Дудницкий и полез в карман за портсигаром. Мебель жалобно скрипела под его весом при каждом движении. Тучный, лысоватый, с маленькими свинячьими глазками и рябым лицом, окрвоенком походил на огромную жабу, наряженную кем-то в гимнастерку, фуражку, галифе и начищенные до блеска сапоги.

– Переловить-то, конечно, можно, но нужны люди, – подал голос невысокий, поджарый начальник городской милиции Трефилов, – у меня максимум штыков тридцать наберется. Этого будет недостаточно.

Красин посмотрел на начальника милиции, размышляя о своем. Трефилов выглядел достаточно умным человеком. Уверенный в себе, спокойный, он уже десять лет руководил местной милицией и хорошо зарекомендовал себя на этом поприще. К мнению такого человека можно было прислушаться.

– Гаврила, да ты что, испугался, что ли? – хохотнул Дудницкий, разминая пальцами папиросу.

– При чем тут испугался, – возразил Трефилов, багровея, – я никого и ничего не боюсь, просто тут такое дело, что не дай бог просчитаться. Я участвовал в разгроме этой банды еще два года назад. Это был противник еще тот. Много наших полегло. Били их, били и не добились... Часть банды рассеялась по лесу. Вот теперь сызнова неприятности начались. Видно, опять вражины сил накопили, раз решились на такое. По моим прикидкам, у них человек пятьдесят, не меньше. Я с тридцатью их не осилю. А если у них там еще и укрепления, то вообще...

– Докомплектуем твой отряд местными партийцами, – предложил Красин, перебив начальника милиции.

– И я тоже штыков десять выделю и с оружием помогу, – добавил окрвоенком.

* * *

Битый час Алексей выслушивал распекаания начальника. Озерный являлся вторым человеком в ГПУ. Ему было около пятидесяти. Маленького роста, чернявый, с высоким лбом и зачесанными назад волосами, он поражал всех своей энергией, острым умом и изворотливостью. Другой бы на его месте давно сгорел, а Озерный держался, несмотря на бури кадровых перестановок, чистки и подковерную борьбу в самом управлении. Одним росчерком пера он мог казнить и миловать. Власть сделала Озерного нетерпимым, крикливым и нервным. Этим утром они находились вдвоем в просторном кабинете заместителя начальника ГПУ. Озерный специально решил поговорить с подчиненным без свидетелей. Он ценил Алексея и одновременно с этим не любил его независимый характер, склонность к размышлениям и привычку спорить с начальством. Людей не хватало, и с недостатками приходилось мириться, но произошедшее ЧП переполнило чашу терпения Озерного.

– Что у вас там, черт возьми, произошло? – орал он во всю глотку. – Какие такие агенты вражеского подполья на вас напали! Что за чушь!

– Почему чушь? Зотов руководил мощной подпольной организацией, – принялся объяснять Алексей с видом человека, который свято верил в рассказанную ему до этого сказку про заговор против советской власти.

– Коновалов, ты что, надо мной издеваешься? – сузил глаза Озерный. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Я лишь придерживаюсь официальной версии, – миролюбиво пояснил Алексей.

– Ясно, – протянул Озерный с мрачным выражением лица. – А хочешь, я сам расскажу, что у вас там произошло?

– Да, интересно будет послушать, – кивнул Алексей с безмятежным видом.

– Вы просто бабки не поделили, которые у того спекулянта нашли, – криво улыбнулся Озерский, – и ты их всех положил. Бабки потом взять побоялся, сдал в установленном порядке.

– А теперь я расскажу свою версию, – сказал Алексей с вызовом, – но это не для протокола. Командир опергруппы Семенов лично вписал имя и адрес того спекулянта в записную книжку. Семенов, видно, давно положил глаз на его добро. А тут такой случай представился. Можете проверить записную книжку. Последнее имя вписано другим почерком, а именно почерком Семенова. Думаю, они с самого начала планировали там всех порешить, а заодно и меня. Я ведь не давал им спокойно мародерствовать. Потом бы вложили в руку старика пушку и сказали, что я героически погиб от бандитской пули.

– Ну, это ты загнул, – пробурчал Озерский.

– Ни хрена не загнул, – возмутился Алексей, – я все понял по их поведению. Шофер встал за окном специально, чтобы меня пришить. Семенов ему велел. Они были все заодно. Я еле уцелел. Вы вроде бы хотели продажных милиционеров выявить. Так вот я вам выявил.

– Ты их не выявил, а пришил, – фыркнул Озерский и, отпив чаю, покачал головой. – Их надо было взять живыми, чтобы они сознались во всем. Должен был быть суд. А так что? С мертвяков ведь теперь не спросишь.

– У меня не было возможностей взять их живыми, – отрезал Алексей, опустив глаза.

– Может, и так, – пожал плечами Озерский, – только теперь тебе надо быть осторожней. У убитых в уловке могли остаться друзья, которые захотят отомстить. Там ведь тоже не поверили в официальную версию.

– Ну, пусть попробуют, – зло сказал Алексей.

– Это что же, мне нужно ждать новых трупов?

– Себя я точно убить не дам, – поджав губы, ответил Алексей.

– Да черт возьми вас всех, – закричал Озерский и ударил по столу кулаком, – вы не друг с другом должны воевать, а с преступниками, мать вашу! Что это за дерьмо!.. – и все в том же духе.

Алексей делал вид, что внимательно слушает начальника.

– Ладно, для тебя есть задание. Поедешь в Сибирь, – произнес Озерский, немного успокоившись.

– Ссылка? – поднял бровь Алексей.

– Нет, отдых и развлечение, – ехидно заверил Озерский, перекладывая на столе какие-то бумаги. – Там сложилась опасная ситуация. Не хватает продовольствия. Срываются планы по продразверстке. Население недовольно советской властью. Возможны бунты. И в довершение ко всему – разгул бандитизма. В горной части засели банды, которые дестабилизируют ситуацию и сеют смуту. Вот утром мне пришлось срочное донесение. Бандиты ограбили поезд, который вез деньги Госбанка в Меднинск. Охрана убита. Поезд взорван. Пути повреждены. Это вызов, брошенный советской власти. Окротдел ГПУ запросил помощи. Вот мы и пошлем тебя туда во всем разобраться.

– Одного? – нахмурился Алексей.

– Да, а кого ты еще хотел, – усмехнулся Озерский, – с тобой опасно рядом находиться. Ты как чума – сеешь вокруг смерть. Послали тебя помочь угро, а ты всех там перестрелял.

– Да без этих гадов только жить станет легче всем, – заверил Алексей и тяжело вздохнул.

– Они, может быть, и гады, но других-то пока не имеем, – произнес Озерский с печалью в голосе. – Надо работать с тем, что есть, воспитывать как-то, а ты сразу стрелять. Сейчас трудное время. Люди пытаются выжить. Подумай на досуге о том, что у этих парней остались семьи, детишки малые. У тебя-то пока никого нет, вот ты и не понимаешь, каково это сейчас.

– Вы их оправдываете? – сухо спросил Алексей.

– Нет, – покачал головой Озерский, – просто пойми, что ты не намного лучше их. Уясни, что ты не святой. И запомни главное, что преступники нужны живыми для суда. Нужны громкие показательные процессы, чтобы другим неповадно было. Люди должны бояться возмездия. Если нет страха, то наступает полная анархия. Помнишь «Чубаровское дело»? Слушалось в Ленинградском губсуде зимой четыре года назад. О групповом изнасиловании девушки, которое совершили молодые ленинградские рабочие в саду «Кооператор», расположенном на Лиговке, в районе Чубарова переулка.

– Конечно, помню, – кивнул Алексей, – ублюдки еще те были. Забава у них такая была.

– Да, в то время изнасилованиями в рабочих районах никого нельзя было удивить, – продолжал Озерский с хитрым прищуром. – Была распространена, например, такая забава, как «тюльпан», когда пойманной девушке завязывали поднятую юбку над головой. Законодательство считало все это «шалостями». Но благодаря «Чубаровскому делу» все изменилось. «Особый цинизм» дела состоял в том, что потерпевшая была комсомолкой и готовилась поступать на рабфак! При этом любопытно отметить, что многие из 22 «бандитов» тоже были комсомольцами, а один – даже кандидатом в члены партии... Это как надо обыграли в суде. Дело получило политическую окраску. Фигурантов обвинили в бандитизме, и семи участникам изнасилования была назначена «высшая мера социальной защиты» – расстрел, хотя пострадавшая осталась жива. Остальные получили сроки от 3 до 10 лет лишения свободы. И это время им медом не показалось. Всех отправили на Соловецкие острова. Таким образом, был создан прецедент, позволявший любой криминал возводить в ранг политического преступления с соответствующим наказанием. Вслед за этим количество подобных преступлений пошло на убыль.